

Валик вернулся домой совсем другой. Как в песне Сплина. Потеря девственности стала настоящим откровением.

«Я — девушка! — неустанно повторял он. — Так значит я — девушка! Вот почему мне всю жизнь так не везёт!»

Когда Валик немного подрос, мама часто, глядя на сына, то ли в шутку, то ли всерьёз, вспоминала, что хотела девочку и у неё почти получилось. Мальчик Валя не сильно отличался от дворовых девчонок. У него были такие же девчачьи повадки и черты лица, такие же формы тела и голосок.

Валик с горечью вспоминал детство, внутри него зрела обида на родителей, которые не оставили выбора. Он и раньше слышал про транссексуалов, но представить себя не мог, что однажды станет одним из них. Всё-таки смена пола хирургическим вмешательством — самое жестокое, что можно сделать с телом.

Теперь он так не думал. Он хотел быть девушкой до конца: с грудью, вагиной. Гулять по вечерам с лучшей подружкой, встречаться с парнями, трахаться. Чтобы всё у него было по-настоящему: трусики, юбочка, кофточка, заколочка.

Вот только как окружающие воспримут преображение?

«Будут смеяться, конечно. Родители не вынесут позора!» — Валик горестно вздохнул. Он сидел у себя в комнате в женском образе: юбочке, подаренной Максом, чулочках, трусиках. Попа приятно гудела, запомнив отбойные удары, пробившие непростительную дырку. Рот моментально наполнялся слюной, стоило только подумать о солоноватом густом вкусе.

Ах, как не хотелось возвращаться в реальный мир! Разоблачаться, оставлять мечту. Но что поделать: за окном брезжил рассвет первого январского утра.

Макс переживал секс с Лялей не менее эмоционально.

«Я сломал заклятие!» — ликовал он в мыслях.

Первая целка порвана! Она готова повторить опыт, остынет для новых совокуплений.

Вокруг ешё столько баб! Они бесконечной чередой выстраиваются в магазине, строят глазки на остановке. Ни одна не сможет устоять перед его напором, ни одна! Он затрахает в обморок любую, кто хоть немного походит на женщину.

И всё же в глубине души скребла кошка: а что если всё это неправда? Что если он обманул себя и выбрал неверный путь? Он лишился девственности не то чтобы с девушкой, это был переодетый пацан. Да, очень женственный и сексуальный, но всё же. Валик — не обычная девушка. У него есть писюн и подставлять он может только очко.

Что если член опять не встанет, когда зад подставит настоящая девушка?

«Есть только один способ проверить!» — решил Макс для себя, засыпая, долго и тревожно ворочаясь с боку на бок.

Он был непоколебим в стремлениях, отважно бросался в авантюры, не боясь высказывать мнение, не страшился порицания окружающих.

Единственный человек, который вызывал в нём подавленную неприязнь и желание уйти от столкновения, был его отец — властный беспощадный тиран, годами измывающийся над

матерью, с рождения воспитывающий сына в ежовых рукавицах.

«Колчак Михаил — пятьсот лошадиных сил», — так называли друзья этого вытесанного из гранита двухметрового зубра весом в сто тридцать килограмм. Это была гора мышц, связанных узлами, собранных в плечах и грудине. Двукратный чемпион Советского Союза в сорок лет имел внешность орка: бычья шея, квадратная голова терминатора, ломаные уши, узкий сморщенный лоб, свисающий на брови, квадратный подбородок, стальные челюсти, перемалывающие жёсткое мясо, как мясорубка, острый взгляд водянистых вечно пьяных глаз, неподвижные зрачки, сверлящие из небольших глазниц. Всё, что Макс ненавидел в других людях больше всего, впервые закрепилось через отца: вечный ёжик, грубый глухой смех, бас, раздражительность, задиристость, работа в силовых структурах. Иногда Макс с отвращением смотрел на себя в зеркало, находя внешнее сходство с отцом.

«Неужели я тоже стану таким?» — холодел он при мысли.

Когда пришло время оформлять паспорт, Макс в знак протesta выбрал фамилию матери. Он уже тогда был не в ладах с отцом.

Колчак не обиделся. Только язвительно посмотрел на сына непроницаемым взглядом убийцы и задумчиво буркнул:

— Ну-ну.

Колчак жил по правилам, которые сам же и устанавливал: приходил и уходил, когда хотел, пьяный заваливался в три часа ночи, накидывался на мать с кулаками, обкладывал её трёхэтажным матом. Пока Макс был ребёнком, эти стычки происходили редко, но с годами характер борца менялся в худшую сторону. Мать орала болезненным криком из спальни, затыкая рот фалангами пальцев. Она рыдала, скулила за дверью, билась головой об стенку, просила отпустить. Макс готов был вскрыть себе вены от горя. Он даже подумывал зарезать отца ножом или найти ружьё и застрелить ублюдка. Дверь в спальню была заперта, и он ничего не мог поделать. Когда под утро мать выходила на кухню, на её распухшем безжизненном лице отражался леденящий душу ужас ночных пыток, потухший стеклянный взгляд застывал на холодильнике, надолго отключаясь от реальности. Она скрывала побои под длинным махровым халатом, но однажды Макс подсмотрел за ней, когда она переодевалась. Хрупкое мягкое тело было сплошь и рядом покрыто свежими фиолетовыми рубцами, старые бурые следы сменялись жёлтыми грязными пятнами. На ней не было живого места. Она была игрушкой в руках тирана и не видела выхода. В худшие дни уезжала к двоюродной сестре, но неизменно возвращалась через неделю, подлечив раны. Она давно развелась, но так как никогда не работала и не имела своего жилья, такой вариант казался невозможным. К тому же, все эти синяки были результатом агрессивной похоти, а не откровенного избиения. Колчак насиловал её, причиняя боль, чтобы насладиться реакцией, чтобы с рёвом кончить в живое агонизирующее тело, червяком извивающееся под ним. Он бил её наотмашь, заставлял убегать только для того, чтобы догнать и изнасиловать. Взять её на полу, вытащить из-под кровати, сорвать трусы, разорвать ночнушку, ударить, чтобы она зарыдала — только так он испытывал дикое возбуждение, только так он мог загнать в неё железный хер и кончить в бабу, которая, как и все женщины в его представлении, была обычной шлюхой.

Макс тоже не раз становился жертвой деспотичности отца. Особенно в детстве, пока он не научился давать отпор или убегать. Физическая расправа ничего не значила по сравнению с моральным унижением.

— Что ты как баба! — часто орал отец, наблюдая за выступлением сына на соревнованиях. — Танцуюшь с ним. Ты ещё возьми в жопу его поцелуй, чушка!

Ребята смеялись, почётный гость упивался вниманием молодёжи, и никто не знал, что скрывается за дружелюбным юморком борца-чемпиона.

В четыре года отец избил Макса ремнём. Этот случай выпал из головы как отдельный эпизод, но отложился в подсознание безумным страхом.

Макс играл в песочнице с другими детьми. Мама присматривала за ним, сидя на лавочке рядом, и всё было хорошо, пока не пришёл отец. Он слегка выпил и, заметив аппетитную чужую женщину на лавочке, выразил желание присмотреть за сыном. Жена отправилась в магазин за продуктами, а он остался подбивать клинья.

В этот момент Макс нечаянно ударил девочку как раз той мамаши, на которую у Колчака были виды. Удар пришёлся лопаткой в голову, и девочка громко и слёзно заревела. Так бывает по неосторожности, когда дети машут игрушками и не замечают опасности.

— Смотри, что ты наделал, — заскрежетал зубами Колчак. — Ты что, не знаешь, что девочек нельзя обижать?

— Я не хотел, — пролепетал испуганный Максим.

Чужая мамаша подлила масла в огонь:

— Вот, не хотел он! Смотрите, кровь идёт. Идём, зайка, домой, пока тебя здесь не убили, — она гневно окинула взглядом борцовское племя.

Колчак схватил своего пацана за руку и потащил в подъезд.

— Идём-ка. Сейчас я тебя научу, как с девочками обращаться!

Они влетели на второй этаж. Макса впихнули в квартиру, и в следующий момент раскалённый удар кожаного ремня обжёг спину. Ещё удар — по попе, ещё — бляшкой по ногам.

— Будешь девочек обижать? — орал разъярённый чемпион. — Будешь? Я спрашиваю?

Удары сыпались один за другим, и Макс не успевал почувствовать боль. Новый раскалённый хлыст взрывал детское сознание безумным ощущением безысходности.

— Нет! Папа, нет, не буду, — захлёбываясь слезами кричал Максим. — Пожалуйста, не бей меня!

Максим описался. От рёва он стал красный, как рак, от боли, потерял ориентацию. Он бился об пол в агонии. Когда его заперли в тёмном туалете, подперев дверь снаружи палкой, он наконец остался наедине со своим горем. Наконец боль уступила место эмоциям, он пролился слезами и целый час ревел за дверью, пока мама не вывела его потихоньку. Отец к тому времени уже ушёл к дружкам на улицу.

Этот случай растворился в памяти, смешался с другими событиями и скоро был забыт. Макс, конечно же, учился общаться к девушкам. Он влюблялся, строил планы, встречался и целовался. Но в какой-то момент уставал от отношений, уходил от ответственности. Он не понимал, что боится близости, боится причинить боль, обидеть девочку, ударить её так, что пойдёт кровь.

Когда в его жизни появился Валик, страх отошёл на второй план. Макс расслаблялся, привыкая к интимным отношениям, подготавливая себя к решающей битве.

Почти сразу после секса с Лялей он приступил к осуществлению задуманного. На примете было пару девчонок, которые в недавнем прошлом выразили готовность запудриться. Одна из них — Ира, бывшая одноклассница — положила глаз на Макса, ещё когда они вместе

учились в школе. Это была тихая скромная девочка с робким любвеобильным взглядом. Она полгода встречалась с парнем, и тот её бросил. Макс знал эту историю от подруг Инны. Когда он случайно встретился с бывшей одноклассницей в автобусе, то сразу почувствовал горесть одинокой души, ищущей утешения. Он не соблазнился на открытую дверь, просто решил для себя, что Ира лёгкий вариант. И ещё подумал, что такую слабохарактерную селёдку кто хочешь бросит, потому что от скуки с ней можно просто умереть. Бедняжка изнуряла себя фитнесом, уверовав, что пострадала из-за фигуры, которая, кстати, была идеальной. Ира поинтересовалась личной жизнью Макса, задала пару невинных вопросов. Она была готова, это было очевидно.

И вот сейчас он решил пробить этот вариант, поздравить девочку с Новым годом.

— Спасибо, Макс! Вот уж не думала, что ты позвонишь! — Ира пришла в восторг. Она искренне обрадовалась звонку. В голосе звучали те же заинтересованные нотки, какие обычно незаметными флюидами расточаются самкой во время охоты.

Они обменялись парой дежурных фраз, и Макс перешёл к делу:

— Слушай, может сходим вместе в цирк? Там программа новая. Медведи на коньках катаются.

Билеты Макс купил заранее. Он собирался сводить Валика, но теперь, когда тёлка с яйцами пала под натиском любви, пришёл черёд следующей.

— Звучит заманчиво, — Ира сделала вид, что сомневается.

Любая девушка, даже последняя замухрышка, всегда играет по правилам. Нельзя сразу соглашаться на свидание. Нельзя давать повода думать, что она лёгкая на зацеп, что она запрыгнет в постель, как только услышит свисток.

Макс не испытывал угрызений совести и уже через час позвонил другой мамзель, чтобы договориться о свидании. У него был цирк с Инной, кино с Леной и вечерняя прогулка по замёрзшему парку с Валиком. В гареме тёлок, дамочка с яйцами заняла последнее обслуживающее место временной подстилки.

Он трахался с Лялей день через два. Они искали моменты после обеда, встречались у Макса или в комнатке на четвёртом этаже. Встречи проходили по старым правилам: Валик перевоплощался в ванной, подмывался, ставил клизму. Его попка приобретала шоколадный оттенок после автозагара. Он наносил густок прозрачной смазки с ванильным запахом на губки ануса, растирал гель пальчиком во всю длину. Макс легко входил в смазанную дырочку. Такая лёгкость казалась обманчивой. Что если с реальной бабой будет не так легко? Женская вagina не такая упругая для проникновения, но если реальная тёлка не возбудится, то и войти в неё будет проблематично.

Валик натирал мошонку как влагалище. Его стручок наливался соком и торчал, как флагшток под пухлым голым лобком. Пока Макс работал сверху, разбивая дырку до непростительных размеров, Валик занимался собой. Ему хотелось кончить как девушка, не пользуясь руками. Чтобы Макс затрахал его и сперма полилась через край, чтобы оргазм ушёл в попку и остался там сладким воспоминанием о женской природе. Чтобы Макс кончил вместе с ним.

Но сделать это было не так то просто. Валик не раз подводил себя к краю и, чувствуя приближение разрядки в попку, ускорялся. В этот момент Макс замедлялся, и тёлка под ним неожиданно начинала кончать. Её анус конвульсивно сокращался, она стонала, дёргалась, растирая клитор. Было в этом зрелище что-то завораживающее. И потом, когда перед Максом возникала непростая задача — куда кончить, — он часто выбирал ротик, хоть и понимал, что с

обычной тёлкой такой номер не пройдёт.

«Нельзя расхолаживаться! — корил он себя. — Если повезёт, скоро я переключусь на обычное мясо!»

Про себя он называл Валика «рыбой».

«Не рыба, не мясо», — посмеивался он втихаря, рассматривая пышную тёлку, которая соблазнительно крутила задом, разгуливая аппетит. Во время прелюдий Ляля всегда совершила обряд соблазнения: гладила себя руками, выгибалась спину, подтягивала чулочки, крутила бёдрами под музыку. В этом брачном танце Макс чувствовал мелодию любви, неповторимую таинственную линию нот, возводящую ствол в штанах в вертикальное положение.

Ляля старалась удовлетворить малейшие прихоти, была послушной девочкой. Очень доброй, по-детски наивной и крайне стеснительной.

— Почему бы тебе не ходить так всегда? — как-то раз забросил идею Макс.

— Я бы и сама хотела, — защебетала куколка в ответ. — Но люди не поймут.

— Почему?

— Они всегда ненавидят тех, кто не такой, как все, — Ляля грустно вздохнула. Она лежала, положив голову на грудь Макса, затраханный сытый взгляд гулял по мускулистому телу возлюбленного.

Макс хмыкнул. Немного погодя он сказал задумчиво:

— Можно подумать они сильно любят тех, кто как все.

В словах Макса была горькая правда, и Валик это чувствовал. Люди ненавидели его даже больше, когда он никого не трогал, оставаясь собой.

Но были ещё родители, брат. Соседи и университетские — много людей, которые относились к нему нейтрально или делали вид, что любили.

«Мама и брат — единственные родные люди. Они бы сразу поняли и простили», — размышлял Валик.

Любовь рождает понимание, когда любишь, сможешь понять и простить, думал Валик.

Оставались ещё десятки людей, с которыми он пересекался каждый день. Как они отнесутся к Валику в женском образе? Что скажут? Подумают? Сделают? Вдруг его отчислят из университета?

«Как ужасно родиться в чужом теле!» — страдал Валик, возвращаясь к старому мужскому кокону, когда игры с Максом заканчивались. Он жил мимолётными встречами с любимым, женский образ становился родным, ярким, мужской — блекнул перед нарядами, открывающими дверь в мир искусственниц. Привычная одежда всё больше походила на заводскую робу. Натягивая её, Валик возвращался к реальности, в которой беспрозветное серое небо убивало жизнь, превращая её в страдание.

Прошло два месяца. Интерес Макса к необычной тёлке поостыл. Он больше не звонил ей и не искал возможности встретиться. Она сама организовывала свидания, выискивала свободное окно в плотном графике двух сторон, часто жертвуя своими планами ради любимого. Он не водил её в кино, как в начале, не дарил цветочков, женских украшений и одежды, и почти не целовал. Об этом не могло быть и речи. Он просто пользовался своей Лялей, когда уставал и когда сперма в яйцах закипала.

Валик понимал, что не может требовать большего. Не имеет права. Кто он такой, чтобы требовать от Макса любви? Они даже не могут встречаться открыто. Их отношения не

закреплены ни в одном уставе. Наоборот, им приходится скрываться от зоркого глаза общественности.

В начале марта Валик стоял на остановке, горестно переваривая положение несостоявшегося мужчины, неуродившейся женщины, как вдруг из метро показалась парочка. Он сразу узнал Макса — так тот выделялся из толпы. Необычно весёлый, улыбающийся — как будто гора недовольства свалилась с его плеч. Рядом с ним под ручку в приталенной курточке, джинсиках в облипку, высоких замшевых сапожках на шпильке семенила девушка. Безумно красивая, женственная, цветущая счастьем — она была похожа на Золушку из старого советского мультфильма. Такая же худенькая, хрупкая, шея, как у лебедя, ручки тонкие, вытянутые к таким же стройным ножкам. Попка, вид которой вызвал у Валика потом безумную зависть, была настолько подтянута, что между ног виднелся треугольничек просвета. Нежное фарфоровое лицо девушки светилось прозрачной белизной. Блестящая кожа казалась нереально гладкой. У неё были маленькие губки и носик. Большие драматические глаза заполняли пол-лица. Девушка-брюнетка, выкрашенная в золотую блондинку, изящно сложила волосы в крендель на затылке и семенила навстречу, не подозревая, что Макс ведёт её знакомиться с бывшей.

Весенняя пора только давала о себе знать: снег немного подтаял, но по-прежнему лежал грязными сугробами на обочинах. Ярко светило солнце, свежий ветерок обдувал холодной сыростью. Валик чувствовал, что земля уходит из-под ног. Всё, чем он жил, о чём мечтал, стиралось в порошок одним веским доводом: он никогда не будет как она.

— Привет. Познакомьтесь: Ира, Валентин, — Макс добродушно улыбался, не догадываясь, какой вулкан чувств извергается в душе бывшей тёлки.

То, что она бывшая, она только сейчас осознала со всей очевидностью. Как Макс просил её не звонить так часто, не предлагать свиданий в городе, как кончал потом в ротик прямо в подъезде, не заходя в квартиру. Шлёпал её по попке и ласковым поглаживанием предлагал заняться собой самостоятельно. Как она обещала думать только о нём, мастурбируя. Как потом кончала по несколько раз в день, слизывая сперму с пальцев, представляя себе, что это семя Макса.рода.

Если бы он знал, в какую бесплодную землю падает Колчаковское семя, он бы лично порвал на части всех пидоров в городе, начиная с Валика.

Но он не знал.

На горизонте замаячила Ира. Колчак встретил её недовольным оценивающим взглядом: «Не баба, а солома! Ни хрена не жрёт, хоть бы не сдохла при родах».

Макс знал отайной страсти отца к продолжению рода и всеми силами искал варианты уехать подальше.

«Ему нужны новые рабы, — думал он. — Но он их не получит!»

Так противостояние в семье получило новый оборот.

Валик пришёл в субботу в семью. На улице ещё было достаточно светло, весна окончательно вступила в права, и в душе Валика женские гормоны были фонтаном. Он безумно хотел трахаться. Не как мужчина, а именно как женщина. Чтобы его ебали всю ночь как последнюю шлюху, чтобы в него кончали, чтобы Макс затрахал его в жопу как под Новый год.

От возбуждения Валик томно вздыхал, гладил себя руками, искал возможности незаметно потереться задом об любой острый угол. Он чувствовал, что несёт текущую дырку, зудящую, требующую жёсткого траха. В последнее время у него даже странные выделения появились:

бесцветная пахучая жидкость пропитывала анус и трусики. Он понимал, что это всего лишь сладкий пот, но женская природа требовала перестроить мышление, научиться воспринимать тело с новой стороны.

Весенним тёплым вечером он шёл на свидание с любимым, похлюпывая зудящей дыркой, которая как будто даже приподнялась немного между пышными полуушариями ягодиц, стала по стойке смирино, готовая принять член. Пухлая кожа покрывалась мурашками, соски постоянно прорезывались натиранием, губы непроизвольно приоткрывались, отпуская девичьи вздохи.

Макс принял Лялю сдержанно. Ничто не указывало на гнев, но и о былой любви говорить не стоило. Ляля в замешательстве проследовала в ванную, пока Макс готовил траходром. Он включил медленную музыку, налил два бокала красного вина, достал презервативы, закрыл шторы, открыл форточку, зажёг свечи, выключил свет.

— У меня для тебя сюрприз! — лопочет Ляля, выглядывая из-за двери.

Она выходит в белых чулочках — новое нижнее бельё, купленное на свои, призвано примирить любовников. Белая ромбовидная сеточка, очень мелкая, но достаточно крупная, чтобы судить о намерениях, оплетает пышные ножки, подвязками тянется под юбку.

Шёлковые бантики на ажурных резинках щекочут нервы. Ляля делает неуклюжее вращение на шпильках — белоснежных туфельках-лодочках. Её новая просторная юбка из белого фатина пачкой весит на попке. Ляля — невеста, истекает желанием. Новые белые стринги впиваются в промежность, требуют разоблачения. Она кружится по комнате, не давая Максу времени опомниться, прийти в себя. Белая блузка, белоснежный бюстик и даже белый бантик в волосах — она вся невеста! Сегодня её лишат невинности, сегодня её наденут, как кольцо, на пальчик. Она будет трепетать и дёргаться, огненный перст пронзит её до сердца. Ах, как она соскучилась по сильным мужским рукам!

Макс подводит девочку к кровати, заставляет надеть повязочку на глаза.

«Что он задумал?» — мелькает игравая мысль у Ляли-мотылька. Она послушно наклоняется, заводит руки за спину, складывается пополам. Даже верёвки, пущенные вокруг запястий и щиколоток не вызывают страха, она готова трахаться связанной, готова, готова!

Макс сдвигает трусики, берёт её девчачий пенис двумя пальцами, и в следующий момент острые пронзают крайнюю плоть.

— А-а-а! — стонет Валик. — Что это?

— Всего лишь прищепка. Она поможет тебе держать рот на замке.

Валик сжимается в клубок, боль не покидает пенис. Острая, щемящая, выжигающая, отупляющая. Прищепка съехала в сторону, стиснув тонкую кожу. Ужасно больно. Если бы Макс разрешил подрочить, но руки связаны под попой.

Вторая прищепка защемляет левый край тонкой разомлевшей мошонки. Ляля выгибает спину дугой, испытывая мучительную боль.

— А-а-а! — хнычет она. — Не надо, прошу тебя!

— Любишь трахаться, сука? — рычит Макс.

— Да, но не так! Максик, миленький, пожалуйста, не делай мне больно.

Она лежит перед ним в беленьких чулочках, трусиках, юбка задрана на живот. Две прищепки тисками сжимают игрушечные гениталии.

Третья прищепка находит правый край мошонки.

— А-а-а! — пищит Ляля.

Её стоны переходят в рыдание, страдание наполняет комнату пыток.

Макс вгоняет член в тугой анус. Он не меньше отца возбуждается, причиняя боль, но пока не осознаёт этого. Интуитивно он находит удовольствие, о котором не подозревал.

Сука под ним надёжно связана. Она не может пошевельнуться, может только пищать и плакать, молить о пощаде, дёргаться, пытаясь выскользнуть из стальной хватки.

Он трахает её основательно, чувствуя как необычно сжимается её анус, играя от боли. Она хлюпает влагалищем, яйца с прищепками болтаются на лобке. Как шипы торчат в разные стороны пластмассовые рогатины. Макс добавляют ещё одну и ещё две, защемляя пенис и части мошонки.

Сука орёт под ним, но он не слышит. Он должен изнасиловать её, должен проучить.

Поставить на место. Музыка орёт из динамиков — он успел сменить пластинку и добавить громкость. Теперь ничто не мешает ему получать истинное удовольствие — насиловать эту блядь в свадебном наряде, которая посмела возомнить себя королевой бала.

Ещё одна прищепка уходит на нижнюю губу, две — на мочки ушей.

— Язык, высунь язык, — рычит он неё, вколачивая член с дикой скоростью.

Она послушно вываливает язык. Он срывает повязку, сверлит её взглядом:

— Кто тебя тянул за язык? — орёт он на неё, цепляя очередную прищепку на язык.

В ответ она только мотает головой, слёзы давно иссякли, залив всю подушку, соляные следы скользят по вискам. Она прикована к тирану взглядом, жалостным, раболепным, умоляющим о пощаде.

Макс вырывается из разбитой дырки, садится верхом на грудь, его хер на два километра возвышается на лице этой суки.

Она больше не смеет пикнуть, в ужасе застыла, наблюдая за хаотичной мастурбацией. Эти огромные отвисшие яйца летают по стволу с огромной скоростью. Сколько же в них спермы? Как два жирных мячика они пухнут от сливок. Палка с залупой как будто сварена из трёх штырей, обтянутых тонкой кожей. Нижний штырь покрыт пигментной полосой, взлётно-посадочной. Спермы вылетит из яиц, приземлится на язык, скатится в горло. Валя заворожено ждёт момента извержения. Она не догадывается, что лагерный опыт, полученный много лет назад, подсказывает ей, как правильно поступать в таких случаях.

Он затрахал её в анус, защемил гениталии, залез на грудь, заливает сперму в рот. Это последняя ступень унижения, после которой её отпустят. Густые выстрелы семени слетают с члена на защемлённый язык. Макс бьёт в горло, сперма залетает прямо в щель. Валя давится, глотает. Она готова глотать столько, сколько заставят. Она на всё готова, лишь бы его отпустили.

Макс, насладившись оргазмом, просовывает член над прищепкой, проталкивает его глубоко в рот, продолжает совершать движения тазом. Его взгляд сосредоточен на Валике.

— Рот — чтобы сосать, а не пиздеть. Понятно тебе, сучка?

— Угу, — Валик сосёт, как только может. Язык и нижняя губа уже давно лишились чувствительности. Равно как и мошонка с пенисом — они тоже превратились в центр тупой гуляющей боли.

«Я не буду больше пиздеть, — даёт она себе обещание. — Не буду пиздеть! Рот — чтобы сосать. Чтобы сосать. Рот, чтобы сосать».

Валя-Ляля ушла потрёпанная, напуганная, но удовлетворённая. Взъерошенные пёрышки

торчали во все стороны, очко гудело, как в первый раз, губа и язык распухли — Валя постоянно облизывалась — память о наказании надолго въелась в сознание. Макс изнасиловал её, впервые применил грубую силу, наказал. Она чувствовала, что небезразлична, потому что гнев — это тоже часть любви. Как в лагере, когда хулиган насиловал её, чтобы вызвать любовь, так и сейчас, она могла вызвать насилие — признак любви. Её хотелось капризничать, хотелось пакостить, чтобы вызвать новую порцию гнева, новый приступ любви, чтобы Макс трахнул её жёстко, наказал.

Но такой возможности не было. Перевоплотившись, она вновь вернулась в серый мир, где никому нет до неё дела.

— Я встречаюсь только с девушками, понятно тебе? — суровым голосом сказал ей Макс, снимая прищепки. — И трахаю только баб. Если ты баба, веди себя как баба. А когда не баба — так нехуй пиздеть. Заткни своё ебло и спи спокойно.

Он был зол на неё. Развязав верёвки, Макс поставил Лялю раком и несильно отшлёпал ремнём по попе.

— Жопа, чтобы ебаться, а не срать, — приговаривал он, нанося лёгкие удары. — Запомни это, если хочешь быть моей Лялей.

Ляля запомнила. Она притворно вздрагивала, вскрикивала, вертела задом. Лёгкая игра сильно возбудила её в отличии от предыдущей пытки. Пенис налился кровью, подтянулся к лобку. Макс заметил это, и незаметно его жезл тоже залился сталью. Он быстро раскатал презерватив и запрыгнул на Лялю. Он долбил её не меньше двадцати минут. Пот градом валил с плеч — так он хотел кончить. Ляля тоже потеряла контроль за временем. Попа превратилась в бесчувственную дырку, анус уже не закрывался. Когда Макс доставал кол, она так и зияла. Холодок проникал внутрь, смазка хлюпала внутри. Так расслабленно и хорошо она никогда себя не чувствовал.

Приведённых доказательства хватило, чтобы она охотно согласилась с вескими доводами: рот — чтобы сосать, жопа — чтобы давать.